

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

МОСКВА * 2019

РУСЬ
ВХОДЯЩАЯ

РАССКАЗЫ МИТРОПОЛИТА
ПИТИРИМА (НЕЧАЕВА)

О ЦЕРКВИ,
О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

записанные
Т.Л. Александровой
и Т.В. Суздальцевой

УДК 25
ББК 86.372
Р82

*Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-816-0616*

Р 82 РУСЬ УХОДЯЩАЯ: Рассказы митрополита Питирима (Нечаева) о Церкви, о времени и о себе / Т.Л. Александрова, Т.В. Суздальцева. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т., 2019. — 672 с.: илл.

ISBN 987-5-88017-762-2 (Издательство Московской Патриархии)
ISBN 978-5-7429-1293-4 (ПСТГУ)

Митрополит Питирим (Нечаев; 1926–2003) был одним из значительных иерархов Русской Церкви второй половины XX века. Профессор МДА, проповедник, общественный деятель, он создал и возглавил Издательский отдел Московской Патриархии, наладил регулярный выпуск Журнала Московской Патриархии и Богословских трудов. При нем началось издание Библии и богослужебных Миней. Он одним из первых стал появляться в телевизионных передачах, донося голос Церкви до миллионов слушателей страны. Первым начал читать курс богословских лекций в светском вузе. Первым открыл Музей Библии в Иосифо-Волоцком монастыре.

Владыка Питирим не оставил воспоминаний, но на склоне дней охотно делился ими с двумя своими референтами, Т.Л. Александровой и Т.В. Суздальцевой, которые, понимая ценность его рассказов, записали их и после его кончины расшифровали и создали предлагаемую читателю книгу. Они же написали и свои воспоминания о Владыке и записали ряд его проповедей последних лет. Все это в целом дает емкое, яркое представление об эпохе, жизни Церкви в середине и второй половине XX века и масштабе личности митрополита Питирима.

УДК 25
ББК 86.372

ISBN 987-5-88017-762-2 (Издательство Московской Патриархии)
ISBN 978-5-7429-1293-4 (ПСТГУ)

© Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В., 2019

© Поздеева И. В., статья, 2019

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2019

© ПСТГУ, составление, редакция, оформление, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемая читателю книга не является в строгом смысле мемуарами митрополита Питирима. Писать мемуары Владыка категорически отказывался. Точнее, говорил: «Писать не буду. А наговорить могу», — а потом прибавлял с усмешкой: «Только, если увижу написанными, наверное, все равно порву...» Он был гиперкритичен к тому, что писал сам, каждый его текст надо было спасать от него самого. Но записывать свои рассказы не возбранял. Наоборот, даже на лекциях говорил студентам: «То, что старые люди рассказывают, лучше всего записывать». А мы понимали, что слова эти адресованы в том числе и нам.

Воспоминания Владыки собирались по крупицам в течение последних десяти лет его жизни — времени нашего с ним сотрудничества. В своей работе мы сознательно ориентировались на три замечательных образца: «Путь моей жизни» — воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные Т. Манухиной; «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Д. Благово» — произведение XIX века, издававшееся и переиздававшееся,

но, к сожалению, не очень известное широкой публике; а также на выходящие отдельными выпусками «Рассказы архимандрита Павла (Груздева)», составленные Н. А. Черных.

Официальные мемуары церковного иерарха — вещь ответственная, она предполагает взвешенную историческую оценку событий, очевидцем и участником которых он был, определенную полноту в их охвате. Кто-то может ждать от произведений такого рода каких-то сенсаций, разоблачений, откровений. Ничего подобного в устных воспоминаниях Владыки нет. Но, конечно, в них запечатлелись живые лица исторических деятелей, с которыми ему довелось быть знакомым, отразилась эпоха в целом и его взгляд на эпоху.

Кому-то, может быть, покажется странным то, что порой значительным деятелям нашей церковной истории уделено всего несколько строк, зато подробно рассказывается о каких-то «мелочах», деталях, что некоторые образы кажутся слегка шаржированными. Кого-то смутит, что об известных людях, глубоко уважаемых всеми, он рассказывает как о добрых друзьях или одноклассниках — с забавными дружескими прозвищами, с добрым юмором, — но ведь они действительно были его ровесниками, и он их помнил именно таковыми.

Владыка любил повторять, что существуют некоторые «исторические напряжения», нереализованные возможности, которые, не осуществившись в реальной жизни, становятся преданием, легендой. Многое из того, что он рассказывал, находится на грани между реальностью и преданием. Где-то сгущены краски, где-то неожиданно расставлены акценты, где-то даже несколько искажены факты — в пользу некоего общего замысла. В небольших статьях мемуарного характера, опубликованных им в печати, он старался строго следовать историческим фактам.

Устные же рассказы — не столько историческая картина, сколько художественный образ эпохи.

Что-то он рассказывал студентам на лекциях, что-то — где-нибудь за обедом, на приеме, что-то — на встречах с прихожанами или в проповедях. Может быть, в едином авторском монологе это звучало бы несколько по-иному. Но монолога Владыка не любил. Ему всегда нужен был слушатель, собеседник, готовый проникнуться его любовью к наставникам и друзьям юности, сочувствующий его настроению.

Мы и были его заинтересованными слушательницами. Нельзя сказать, что мы соглашались безоговорочно со всем, что он говорил, но в нашей работе не пытались что бы то ни было подогнать под свой вкус. Точнее, мы сами постепенно «подгонялись» под его вкус и стиль, все более проникаясь его убеждениями. Кое-что оставалось не совсем понятным. Некоторые вещи мы потом переспрашивали, уточняли, но такая возможность была не всегда. Случались и оговорки, не всё возможно было выверить по другим источникам. И конечно, пусть читатель имеет снисхождение к тому, что это — всего лишь записи мирских женщин. За неточности понимания и погрешности изложения несем ответственность только мы.

В этой книге читатель найдет и серьезное, и смешное, чего больше — сказать трудно. Но при всей их веселости в рассказах Владыки ясно ощущается дух «смирения, терпения, любви и целомудрия». Кажется, что от «страшных лет России» в памяти рассказчика запечатлелось только хорошее. 30–40-е годы в его воспоминаниях предстают такими же светлыми, как в старых советских фильмах. Значит ли это, что Владыке и его семье жилось беспечально в стране, «где так вольно дышит человек»? Если при чтении не упускать из памяти некоторые факты: что его отец священник был арестован, несколько лет провел

в лагерях, вернулся тяжелобольным и умер, когда будущему митрополиту было одиннадцать лет; что после ареста отца семья оказалась обречена на несколько лет скитаний и неустроенности, что взрослые братья и сестры были «лишенцами»; что все они десятилетиями хранили веру в обществе, где вера преследовалась, — тогда читатель почувствует подлинную цену этого светлого восприятия жизни. Заслуживает внимания и то, как Владыка рассказывает о церковных событиях — с юмором, иногда — с иронией, но без тени осуждения в чей бы то ни было адрес. Мы решаемся опубликовать свои записи прежде всего ради их «серьезной» стороны. Но и смешная сторона на самом деле серьезна. В ней запечатлелся живой, не выдуманный образ традиционного, исконного благочестия, которому отнюдь не были чужды человеческие радости.

Необходимо помнить, что, говоря о настоящем времени («сейчас», «теперь», «до сих пор»), Владыка всегда имеет в виду реалии 1990-х — начала 2000-х годов.

Мы отдаем себе отчет, что «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», но все же надеемся, что «благодать сочувствия» в какой-то степени будет дарована и нам, а главное — ушедшему от нас рассказчику. Вечная ему память!¹

¹ Владыка Питирим иногда комментировал свой рассказ. Его комментарии — как бы вставные сюжеты — даны в сносках под цифрой со «звездочкой». Цифровые сноски без «звездочки» сделаны нами и редакторами, редакторские сноски оговорены особо.

Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем, гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне.

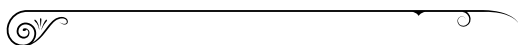
1 Кор. 4:10–13

Жанр воспоминаний, — один из наиболее трудных в литературе, потому что трудно справиться с материалом, которого довольно много, и избежать тех личностных оценок и эмоций, которые несомненно присутствуют в каждом из моментов памяти.

Митрополит Питирим

I

ДЕТСТВО

1. НАША РОДОСЛОВНАЯ

По рождению я тамбовец — в Тамбове находилось наше родовое гнездо. Дома Нечаевых и Быстрых (семья моей матери) стояли на одной улице. Точнее, перекресток расходился буквой Т, и дома помещались как бы на краях верхней перекладкины, — иными словами, через переулок.

Сам я родился в городе Козлове, позднее переименованном в Мичуринск, — где служил отец. Прожил я там всего четыре первых года своей жизни, а в Тамбове еще полтора года был в эвакуации (с осени 1941-го по весну 1943-го), а впоследствии полгода временно управлял Тамбовской епархией. Знаю, что народ в этом крае интересный: очень упрямый и довольно консервативный. Тамбовцы шутят: «Мы последними советскую власть приняли, последними от нее и отказываемся». Там до сих пор существуют колхозы. Называются они по-новому: ТОО, ООО, — но по сути как были колхозы, так и есть, и им такая организация по душе. Как когда-то говорила одна наша знакомая старушка,

«воробей — птица артельная». Мама, Ольга Васильевна, считала, что «люди делятся на тамбовских — и всех остальных».

Сейчас говорят, что наши климатические условия тяжелы для земледелия, однако до революции, года до 1915-го, Россия всю Европу кормила хлебом. Тамбовская, Воронежская, Липецкая области — самый центр черноземной полосы России, переходящей далее на Украину. Земля здесь такая, что, по образному выражению наших классиков, можно сунуть в нее оглоблю, и вырастет яблоня, а согласно специфической тамбовской поговорке, земля «от нового сапога подошву отрывает» — настолько клейкая эта черноземная масса.

То, что у меня осталось в памяти от Тамбова: в каждом доме пианино, велосипед и лодка. Там протекает река Цна, изобилующая рыбой. В ней водятся огромные сомы — меня ими в детстве пугали: говорят, они даже бросаются на человека. Рыбалка в этих краях является одним из основных видов отдыха. Брат моей матери был хирургом и большую часть времени проводил в операционной. И бывало, прямо после операции он, не заходя домой, садился в лодку и на несколько дней уплывал на рыбалку. Потом, вернувшись, через кого-то передавал жене улов и снова работал — так он дома почти и не бывал.

Есть в окрестностях Тамбова озеро, называемое Святым. С ним связана следующая легенда. Жил некогда на свете старичок-священник со своими сыновьями. Служил в церкви, но вот пришло время — назначили на его место нового священника, а его отправили на покой. Сказал он тогда своим сыновьям: «Не хочу вас связывать, не хочу удерживать

при себе. Ступайте, идите в жизни своей дорогой. Новый священник меня не обидит». И сыновья отправились в путь. Ушли — и не было от них никаких вестей. Прошли годы. Старичку захотелось узнать, что случилось с его детьми. Собрался он и пустился в путь. Шел, шел по проезжей дороге, заходил в селения, — но нигде ничего не слышал о своих детях. Однажды увидел: в сторону от дороги уходят две узких колеи, — как будто одна телега проехала. «Дай, — думает, — сверну!» И пошел по этому следу. Пришел в деревню. Смотрит — деревня богатая, избы крепкие, а людей на улице нет. Постучался в одно окно, выглянула хозяйка, посмотрела тревожно. Он попросил воды напиться. Хозяйка вынесла воды. Разговорились. «А где же, — спросил старичок, — ваши мужчины?» — «В отъезде, — ответила хозяйка. — Кто в город поехал, кто на промысел». Дело было уже к вечеру, и старичок попросился переночевать. Лег, заснул, а среди ночи проснулся от какого-то шума. Смотрит — хозяева вернулись. И узнал он в хозяевах своих сыновей. Открылся им, да так и остался у них жить, а заодно и стал присматриваться к жизни этой деревни. И что-то ему казалось странным. Живут богато — но никто не сеет и не пашет. И нет ни церкви, ни священника. «Что же вы так плохо живете? Как же так — без храма? — удивляется старичок. — Постройте церковь, давайте я буду у вас служить». Те согласились. Построили церковь, украсили богато. Стал старичок служить, а в церковь никто не ходит. Тогда и понял он, что село-то разбойничье! Вот какую, оказывается, дорогу в жизни выбрали его дети! И стал старичок-священник денно и ночью молиться за них. И однажды, когда шумной ватагой вернулись его сыновья с разбоя, хлынула с неба вода

и затопила деревню, — возникло на месте деревни озеро: вода в нем серебристая, и озеро называется Святым. И если кто с чистой душой подойдет к нему на рассвете, то увидит, что в воде отражается церковь, горит в ней лампадка и старичок-священник Богу молится.

В озере этом никто никогда не купается, даже в самую страшную жару, и белье не полощут, и ни для каких грязных нужд воду оттуда не берут, и рыбу не ловят, и на лодках не плавают. Так было всегда, даже в самые «советские» времена...

Я происхожу из старинной священнической семьи. Откуда идет мой корень, я не знаю, но с 1685 года мой род обосновывается в Тамбове, потому что епископ Питирим, назначенный на Тамбовскую кафедру из вяземских архимандритов, привез с собой родную сестру, духовника и небольшую группу священников-миссионеров для того, чтобы просветить мордву. В числе этих миссионеров были и мои предки, — таким образом, с конца XVII века по епархиальным спискам прослеживается непрерывный большой перечень моих дедов и прадедов. Мой дядя, брат отца, Александр Андреевич, бывший инспектором Тамбовской семинарии, писал об этом диссертацию, но его в 20-е годы убили, а диссертация, хранившаяся в Тамбовском архиве, погибла вместе с другими документами в 1942 году, когда враг подходил к Воронежу и в страхе уничтожались все архивы. Так что, к сожалению, остались только семейные предания.

К нашему роду принадлежал, в частности, епископ Николай (Доброхотов). В его жизни была драма, после которой он и пошел в монахи. Его

собирались женить. В те времена жених часто видел невесту только в церкви — всё решали родители. Правда, в нашей семье порядки были довольно либеральные. Как было в этом случае — неизвестно, но в самый день свадьбы случилось несчастье: на паперти храма невесту убили. А жених вместо венца, прямо как был, во фраке с белой манишкой, пошел в Киев, в Лавру. Там он некоторое время был послушником, его заметили и послали в Петербург: «Здесь тебе делать нечего. Езжай туда учиться». Потом он стал епископом Тамбовским.

Говорили, что Лесков немало выражений позаимствовал у него. Действительно, сказать он умел. Однажды, например, подошла к нему дама в лайковых перчатках и, не снимая их, сложила руки, чтобы взять благословение. «Лайку не благословляю», — сказал епископ. Дама очень обиделась, приняв слово «лайка» на свой счет.

Другой раз владыка заметил, что один из губернских чинов не был на службе, — а ведь службы были протокольные. «Что же вы, ваше превосходительство, в храм не пожаловали?» — спросил он его при первой встрече. «Храм у меня в сердце», — ответил тот. — «В сердце у вас, ваше превосходительство, храм, а в голове-то что же — колокольня?»

В конце концов он рассорился с властями и ушел в монастырь^{1*}.

^{1*} Несколькоими годами позже Тамбовскую кафедру занимал известный епископ Феофан (Говоров), который после нескольких лет управления епархией ушел в затвор, чтобы всю свою духовную энергию воплотить в книгу. Он жил в Вышенской пустыни, на границе Рязанской и Тамбовской областей, в отдельном домике, причем даже на улице не выходил, — прогулки совершал на террасе, загороженной от посторонних глаз деревянной решеткой, и все свое время отдавал литературным трудам: переводил с греческого и латыни, множество произведений написал и сам.

О жизни дореволюционного духовенства говорят по-разному; кто-то видит только хорошее, кто-то — только плохое. Таковы сами люди — один скажет: «Ведро наполовину пустое», другой: «Наполовину полное». В нашей семье воспоминания сохранялись только светлые.

Оба моих деда были сельские священники. Один служил в селе под названием Селезни, другой — в селе Космодемьянове. По рассказам о них я и сужу о жизни сельского батюшки, который вместе со своими прихожанами пахал, сеял, доил корову, водил лошадь, на праздниках позволял себе и повеселиться, а прихожане могли к нему запросто подойти — он был свой в среде своих.

Есть у нас такое домашнее предание. Дед мой Андрей Илларионович был человек физически очень сильный. Как-то раз приехал он в одну деревню служить молебен о дожде. Смотрит — на улице никого нет, все попрятались. Он спрашивает, в чем дело. «Бычок — говорят, — в возраст вошел и разбушевался. И никак поймать его не могут, и все боятся». Дедушка вышел на улицу, прошел немного и действительно столкнулся с бычком. Схватил за рога и стал осторожно клонить его голову к земле. Тот какое-то время склонялся, а потом вдруг оставил свои рожки в руках дедушки и от такого конфуза убежал в лес.

Священник и прихожане составляли одну семью, круг людей, спаянных одной общей жизненной функцией — работой. Но работа священника на земле кончалась порогом храма, и когда он переступал этот порог, то становился уже именно священником, иереем Божиим, и отношение к нему было совсем другое: это уже был не односельчанин,

а совершитель Богослужения. В той деревне, где служил Андрей Илларионович, был староста, который, когда приходил к деду подписывать бумаги, садился у стола сбоку и говорил: «Андрей, поставь чернильницу отсюда — сюда!» Будучи сельским старостой, он чувствовал себя властью, но сидеть в дедовом кресле не мог. И отец Андрей брал чернильницу и ставил ее на угол. А в остальном дед и бабушка были в той среде своими. К бабушке все шли за советом. Приходил, к примеру, крестьянин и говорил: «Матушка, я вот грамотку нашел, — протягивал ей обрывок газеты. — Почитай — может, что важное». Это был XIX век, крестьяне были неграмотны, но отношение к бумаге было трепетное, как к «государеву делу».

У нашей бабушки была работница Василиса, которая все время причитала по разным поводам: «Ой, матушка, холод-то какой! Все руки отморозила! И хóчем жить!» Или: «Ой, война! И хóчем жить!» У нее была странная манера: когда она приходила за дровами, обязательно вытаскивала полено снизу. Соответственно, сверху полено тут же сваливалось и стучало ее по затылку. «Ой, матушка, убили! — причитала она. — Ой, убили! И хóчем жить!» «Василиса, — говорили ей, — ну что ж ты не возьмешь, — вот рядом-то лежат дрова?!» Но она была неисправима. Так в нашей семье и осталась эта присказка: «И хóчем жить!»

Отец, Владимир Андреевич, служил в Ильинском храме Козлова. Храм был разностильный, из-за того, что неоднократно делались ремонты, росписи в нем сохранились только XIX века. При отце тоже делался ремонт, и в реставрации росписей принимал участие молодой художник Гераси-

мов. Кто бы мог тогда подумать, что со временем он станет президентом Академии художеств! А он, будучи еще студентом, подрабатывал на реставрации церквей.

В нашем семейном предании есть такой эпизод. Приехал отец Владимир с матушкой Ольгой и первенцем, сыном Мишей, на место служения — первое и единственное. Пошел отметить к благочинному, а матушка дома разбирает баулы, корзинки. Приходит какой-то золоторотец, люмпен. Начинает просить: «Матушка, вот я пообносился, нет ли чего старенького?» — «Да чего же? Мы только приехали!» Мама всегда говорила: если хочешь что-то отдать — отдавай лучшее, новое. Себе купишь, а бедному человеку и уважение надо оказать, и купить ему труднее. Достала новые отцовы брюки, отдала. Вскоре приходит отец Владимир, смеется: «Ну, мать, ты мне и рекламу создала! Иду по площади, а там ходит какой-то оборванец и кричит: “Кому штаны отца Владимира, нашего нового батюшки?” Душа-то горит, выпить хочется...»

В 1914 году было прославление святителя Питирима Тамбовского. Царское правительство очень долго этому сопротивлялось, но, когда началась Первая мировая война, спохватились и канонизировали. Отец тогда устроил крестный ход из Козлова в Тамбов. Вся подготовка была на нем: он сам заранее проехал по всему маршруту, определил, где останавливаться на ночлег, даже проследил, чтобы везде заготовили кипяченую воду.

У отца был очень тяжелый приход — на плане города он выглядел как вытянутый треугольник, вершина которого упиралась в базарную площадь, один из углов доходил до вокзала, а другой —

до ремонтных мастерских. В приход входили так называемые ямы — лачуги и землянки, где жили люмпены — типа наших бомжей.

Такой приход ему достался потому, что он стоял под надзором полиции. А получилось вот что. Отец с другом только окончили семинарию и были поставлены в низший чин церковной службы — певчими и псаломщиками. В один из табельных императорских дней — вроде «победы над свеями» — отец стоял в храме в сюртуке, потому что была не его седмичная чреда, а служил его друг. Тот вышел читать Апостол, но вдруг закашлялся, задохнулся и не смог начать чтение. В службе произошла заминка. Отец не растерялся, подошел, взял книгу и прочитал Апостол. А на другой день его вызвали в полицию. Оказывается, то, что он читал Апостол в сюртуке, а не в стихаре, было воспринято как неуважение к Императорскому Величеству. Так мой отец попал под надзор полиции еще в 1900 году, задолго до 20-х и 30-х. Вскоре его, правда, рукоположили, но приход дали самый трудный в городе.

Впрочем, прихожане были разные. В частности, его прихожанином был знаменитый Мичурин. Он жил в Козлове всю жизнь, отчего и город потом переименовали в его честь. Вопреки распространённому представлению, он был очень верующим и очень скромным человеком. После его смерти о нем сняли какой-то фильм, где он был выставлен как безбожник, и священник, отец Христофор, обличал его за это. Все это неправда. А вместо отца Христофора гораздо с большим основанием мог быть изображен мой отец. Отец Христофор был очень хороший батюшка.

В фильме же он выведен, очевидно, потому, что в то время проходил по какому-то делу.

По месту жительства Мичурин должен был бы относиться к другому приходу, но он работал часовщиком на вокзале и поэтому оказался прихожанином отца. Они очень дружили. Отец брал у него саженцы и делился с ним наблюдениями. Никаким ботаником Мичурин не был — это был просто увлеченный, знающий и умелый садовод.

Был у отца еще один интересный прихожанин — немец-кондитер. Когда ему заказывали какой-то особый торт, он всегда говорил, что «здесь нужны девичьи пальчики». Сам он был небольшого роста, тоненький, и пальцы его были едва ли не тоньше женских.

Помимо служения в храме и работы на приходе, отец преподавал Закон Божий в гимназии. Мои старшие братья и сестры вспоминали бестолковых учеников, которые приходили к нему для дополнительных занятий. Один мальчик рассказывал историю Иакова: «Иаков пошел искать себе невесту. По пути лег спать, положил голову под камень и увидел сон». — «Милый мой! — сказал отец. — Подумай сам, что говоришь: если бы он положил голову под камень, то и не проснулся бы!»

В православных семьях было принято на ночь слушать какой-нибудь нравственный рассказ. Когда отец, утомленный долгой службой, работой на приходе, помощью бедным и прочими священническими делами, возвращался домой и в изнеможении ложился, на него сразу же наседала детвора и требовала рассказа о том, кого он встретил днем. Отец, преодолевая усталость, говорил: «Да нет, никого я не встретил! Так — зайчишка мимо

бежал...» — А потом от зайца начинался рассказ, обязательно завершавшийся каким-нибудь нравственным выводом. Наши старшие вспоминали эти вечера с отцом как минуты райского блаженства. Потом дети уходили в детскую, а взрослые оставались подводить итоги трудно прожитого дня. В нашей семейной, домашней традиции прививался ежевечерний самоанализ: как прошел день.

Отец, как и дед, обладал незаурядной физической силой. После революции надо было куда-то ездить за продуктами на лошади, запряженной в телегу или, зимой, в сани. Однажды — дело было к весне — отец ехал на санях; когда подъехал к речке, лошадка заупрявилась и не хотела идти на слабый лед. Тогда Владимир Андреевич выпряг ее, положил на сани и в толчки перевез через речку.

После окончания семинарии отец с другом, о котором уже было сказано, жили вместе на квартире. Когда они заметили, что вес переваливает за восемьдесят килограммов, — это в двадцать-то с небольшим лет! — решили, что нужно срочно худеть. Худели следующим способом: вместо ужина на двоих выпивали четверть молока и десяток сырых яиц — это считалось ни во что. Совсем другие какие-то были люди, не то что современные!

В прежнее время у духовенства был принят чай с молоком. Отец всегда пил его из огромной кружки. Считалось, что чай, особенно с молоком, вещь очень полезная и продлевает жизнь^{1*}.

^{1*} Я в свое время был знаком с известным танцовщиком Большого театра — Юрием Ждановым, партнером Лепешинской. Он говорил, что они, танцовщики, уезжая на спектакль, уже заготавливают наломанный зеленый чай, а когда возвращаются — заваривают и выпивают его не меньше литра — с молоком. Только после этого они

Родители вспоминали, как однажды в Тамбов приехал митрополит Антоний (Храповицкий). Встречать его отрядили отборных, дюжих семинаристов. Владыка посмотрел на них и сказал: «О благословенная земля Тамбовская! Великих малых рождаешь ты!»

Часто говорят о том, что в среде духовенства было очень распространено пьянство^{1*}. Но наш отец, когда еще был семинаристом, дал своим товарищам клятву: дома не иметь спиртного. И родители выдержали ее, пронеся это правило через всю жизнь. У нас дома слово «водка» считалось неприличным.

Отец Владимир был в своей семье старшим из детей. У него были еще три сестры и два брата, об одном из которых уже упоминалось. Одна из сестер была замужем за священником. Муж ее, Митрофан Федорович Умнов, после революции был арестован, какое-то время работал бухгалтером, потом, в 40-е годы, стал работать в епархии и снова служил. Его дочь Елена впоследствии была личным секретарем архиерея. Это была женщина отважная. По характеру ее напоминали две мои родственницы со стороны матери: София, одна из моих теток, и Ольга, ее племянница. Обе прошли всю войну — с 1941-го по 1945-й, одна — медсестрой на передовой, другая — полевым хирургом. Об Ольге бабушка как-то сказала: «Ну разве это

в состоянии пойти в ванную, привести себя в порядок, а потом поесть. Он же говорил, что для того, чтобы держать себя в форме, нужно всю жизнь есть капусту.

^{1*} Шутили, например, что в Москве есть два парадоксальных явления: непьющий извозчик и непьющий дьякон. Извозчик — тот, который стоит на Большом театре, а дьякон — первопечатник Иван Федоров. Разумеется, памятник.

девка? Это же какой-то Колчак!» Так Колчаком ее в семье и звали, — при этом она всегда была очень церковным человеком.

Муж другой моей тетки, отец Михаил Кронидович Сперанский, отбыв заключение, вначале не мог найти себе лучшей работы, кроме как в какой-то мастерской. Потом, когда в Тамбов был назначен архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), в городе не было ни одного служащего священника. Тогда отца Михаила отыскивали, и он стал служить. Позднее, в 50–60-е годы, он был ректором Ленинградской духовной академии и пользовался особенной любовью студентов не столько за свои лекции (хотя читал он хорошо), сколько за то, что пел романсы. Кстати сказать, хотя жизнь священника до революции была строго регламентирована уставом, гитара была почти в каждом священническом доме. С отцом Михаилом у нас бывали разногласия по поводу учебных программ и преподавания. Он был убежденным сторонником серьезного преподавания латыни. «Как же так! — возмущался он. — Они же esse¹ prospрягать не могут!» Он, как и все выпускники дореволюционной духовной школы, прекрасно знал древние языки. Мой отец тоже в свое время писал стихи по-гречески, хотя кончил только семинарию, — правда, «студентом первого ранга». Отец Михаил Сперанский умер уже в 80-е годы.

Преподавание греческого в Тамбовской семинарии в целом было на высоте. Правда, одно время, по словам отца, преподавал его турок по имени Хабиб Хананеич. Греческий он знал, может быть, и неплохо, но вот с русским у него были проблемы: слово «корова» переводил как «быкова жена».

¹ Глагол «быть». — Лат.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителей	5
--------------------------------	---

I. ДЕТСТВО

1. НАША РОДОСЛОВНАЯ	10
2. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЕТСТВА	31
3. БРАТЬЯ И СЕСТРЫ	40
4. ПРЕЖНЯЯ МОСКВА	47
5. ВОЙНА	57

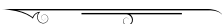
II. ЮНОСТЬ

1. МОСКОВСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ	61
2. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ	86
3. СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ	118
4. БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ	157
5. ЛАВРА	185
6. ГОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В СЕМИНАРИИ И АКАДЕМИИ	203
7. АКАДЕМИЧЕСКИЕ И ЛАВРСКИЕ ПРЕДАНИЯ	219

III. ЗРЕЛОСТЬ

1. ОТЕЦ СЕВАСТИАН (ФОМИН)	230
2. УВЛЕЧЕНИЕ ФОТОГРАФИЕЙ	235

3. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПАТРИАРХА	237
4. ЦЕРКОВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ 1960–1980-х годов	243
5. ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ	252
6. ВОЛОКОЛАМСКАЯ КАФЕДРА	271
7. МЕЖДУНАРОДНАЯ РАБОТА	286
8. ПАЛОМНИЧЕСТВА	378
9. БРЮСОВСКИЙ ХРАМ	404
10. АФГАНСКИЙ ВОПРОС	415
11. НОВЫЕ ВРЕМЕНА	418
IV. «КАКО ПОДОБАЕТ В ДОМУ БОЖИЕМ ЖИТИ...»	
1. О ДУХОВНОЙ СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ	431
2. О СЛУЖЕНИИ СВЯЩЕННИКА	440
3. ОБ ИКОНЕ	454
4. О ЦЕРКОВНОМ ПЕНИИ	465
5. О ЧУДЕСАХ	469
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	473
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев)	
В ЕДИНЕНИИ ТРАДИЦИИ И АКТУАЛЬНОСТИ	479
Т. Л. Александрова, Т. В. Суздальцева.	
ВЕЧЕР ВЛАДЫКИ	509
Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев)	
«ЧЕМ НОЧЬ ТЕМНЕЙ, ТЕМ ЯРЧЕ ЗВЕЗДЫ...»	
ПРОПОВЕДИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	560
И. В. Поздеева	
МУЗЕЙ КАК ПУТЬ В ПРАВОСЛАВИЕ	642

РУСЬ УХОДЯЩАЯ
Рассказы митрополита Питирима (Нечаева)
о Церкви, о времени и о себе

Т. Л. Александрова, Т. В. Суздальцева

Главный редактор Издательства Московской Патриархии
епископ Балашихинский Николай (Погребняк)
Зав. редакцией *Т. А. Тарасова*
Выпускающий редактор *И. И. Черкесова*

Главный редактор издательства ПСТГУ
прот. Владимир Воробьев
Зав. редакцией *С. И. Горлевская*
Редактор *И. В. Мамаладзе*
Художественное оформление *С. А. Хидоятов*
Верстка *Я. И. Хорева*

Корректоры *А. А. Артамонова, М. О. Просветова*

В книге использованы фотографии из предыдущего издания:
«Русь уходящая: Рассказы митрополита Питирима» (М., 2004) и из альбома
«Благословенный путь. Светлой памяти митрополита Волоколамского
и Юрьевского Питирима (Нечаева). К 10-летию со дня кончины»
(Иосифо-Волоцкий монастырь. М., 2014).

Просим откликнуться оставшегося неизвестным нам
автора фотопортрета, использованного на обложке.

Издательство Московской Патриархии
119435, Москва, ул. Погодинская, д. 18/1
www.rop.ru

Издательство Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного университета
113184, Москва, Новокузнецкая ул., 23 б
izdat@pstgu.ru

Подписано в печать 06.03.2019
Формат 84х108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 21 печ. л.
Тираж 5000. Заказ №